

Ольга Хомич-Журавлёва

Деликатес

фантастическая повесть

Издательские решения
По лицензии Ridero
2016

УДК 82-3
ББК 84-4
Х76

Хомич-Журавлёва Ольга

Х76 Деликатес : фантастическая повесть. — [б. м.] : Издательские
решения, 2016. — 52 с. — ISBN 978-5-4474-7880-3

Что, если окружающий мир совсем не такой, каким является на деле. Что, если мир населяют не только расы людей, но и поработившие Землю рептилоиды Мбусакры, для которых люди являются изысканным деликатесом? Сможет ли внедрённое в двух человек Сияющее спасти Землю?

**УДК 82-3
ББК 84-4**

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Глава первая. Давний друг

Интерьер кафе был вполне приличным: мягкие, угловатые диваны, обитые молочным флоксом, нежали тело, уставшее от дальней поездки на жёсткой полке купе поезда дальнего следования. Равнодушные официантки не досаждали. Приятным сюрпризом в кафе оказался бесплатный WiFi и неожиданно вкусный «американо».

Аромат кофе и замысловатое пирожное, успокаивающая, не навязчивая музыка — Ильмера просто млела от наслаждения. К тому же, из-за недавних неприятностей и долгого мотания в поезде она сильно постройнела, и теперь изящная тридцати девятилетняя девушка ощущала себя свободной, беззаботной студенткой. Правда, в студенчестве она не могла себе позволить ни такого дорогого кафе, ни планшетника и ему подобных гаджетов, которые теперь врассыпную лежали в её необъятной сумке. А если ещё учесть, что она только что вышла из дорогущего салона красоты, где привела себя наконец-то в порядок...

Что ещё для счастья надо?

Наманикюренный пальчик водил по экрану сенсорного планшетника. Бесцельно просматривая страницы социальных сетей, она увидела живописное фото — белый песок, пальмы, лазурное море и бездонное чистое небо — подпись гласила «Побережье Гоа»...

Ильмера мечтательно посмотрела в витражное окно, где высоко над многоэтажными бетонными джунглями хмурилась серая масса беспросветных облаков...

— Ириш, привет! — молодая дама вздрогнула, оторвав-

шись от разглядывания неба. — Давно ждёшь?

На диван напротив Ильмеры плюхнулся молодящийся мужчина, одетый роскошно-небрежно — однокурсник Семён Туманов, который теперь был известен под псевдонимом Афанасия Пятницкого, известного фельетониста, ведущего свою еженедельную колонку в пятничном выпуске популярной областной газеты. Картинно откинув назад короткие выходящие русые волосы, и бросив небрежно на спинку соседнего дивана бежевое шевиотовое пальто, оставшись в лёгком бежевом пиджаке и бежевых джинсах в обlipочку, расплывшись в прямо таки лучезарной улыбке, Семён вопрошающе уставился на Ильмеру, заставив её на секунду смутиться.

— Да нет, не так долго — вот, ещё кофе выпить не успела. Привет, привет, Сёма, ты пунктуален как всегда. О, да ты сбрил свою бородку?

— Це ж мовитон — у меня теперь такой стиль. Все бороды отпускают, должен же я чем-то отличаться от толпы?

Только что скучавшие официантки оживились, наперебой шепча что-то друг другу, кокетливо поглядывая в сторону их столика — видно было, что девушки узнали Семёна и одна из них с, насколько это было ей под силу, обворожительной улыбкой, принесла меню, раскрыла перед ним позолоченные корочки и уставилась обожающим взглядом на своего кумира.

Видно было, что Семён привык к подобной реакции окружающих — его часто приглашали на телевидение, где он мелькал в субботне-воскресных развлекательных передачах.

Он величественно махнул рукой в знак отказа и произнёс:

— Коньяку и сигару!

Ильмера, еле сдерживая смех, уставилась на официантку, которая заморгав глазками, пролепетала:

— Афанасий Гордеевич, у нас не курят, простите. И спиртное тоже только после двух.

Семён картинно обратил взор на Ильмеру:

— Вот, Ильмера Богдановна, дожили мы до светлых дней — не бухнуть, ни покурить красиво, — и обратился к улыбающейся официантке, — ирландский кофе и жвачку, любезная.

Счастливая официантка быстро унеслась выполнять заказ, попутно рассказывая своим коллегам о новой выходке обожаемого «клоуна».

Ильмера, подавив смех, спросила:

— Шут гороховый. Тебе не в журналистику, а в театраль- ный надо было. И потом — когда это ты курить начал? Да и коньяк ты, помнится — не очень...

— А красиво «понтануть»? Эх, ничего ты, Ириш, не пони- маешь!

— Куда уж мне. Да... каким ты был, таким ты и остался.

Семён уставился на Ильмеру:

— Да и ты не изменилась — всё такая же красавица и зануда. Как там столица?

— Цветёт и пахнет, — в тон ему ответила Ильмера.

— Жиреет, значит?

— Я бы сказала — множится и расширяется.

— Надолго к нам в глубинку?

— Похоже, теперь надолго, — Ильмера вздохнула и, отки- нувшись на спинку дивана, допила остывший кофе.

— Что же так? — с деланным удивлением спросил студен- ческий друг, картинно приподняв бровь.

— Не спрашивай. Так вышло... Потом как-нибудь расска- жу.

— Ну да, ну да... Я слышал, ты ещё журналистикой занимаешься?

— Зам редактора была... — Ильмера вздохнула, — на том и погорела.

Семён хмыкнул. Ткнул пальцем в планшетник:

— Что показывают?

— Да так, — Ильмера показала ему фото. — Побережье Гоа, — усмехнулась. — А помнишь, как ты на выпускном целовал всех однокурсниц подряд и орал: «Поехали на Гоа!» — ну и ржачно было.

— Да, роскошное время было. Весь мир казался у моих ног... А теперь я в этой дыре, — усмехнулся, — местная знаменитость.

— Ну, уж не такая это и дыра — один из крупнейших областных центров.

— Но и не столица.

— Сём, далась она тебе? Я вон, двадцать лет на издательство отпахала, а меня пинком...

Девушка почувствовала, как в горле застрял комок. Слёз уже не было — одна досада оттого, что Ильмера всю душу вложила в инновационные проекты неблагодарного издательства. А в результате...

Семён подозвал официантку и попросил бокал воды. Ильмера, сделав несколько глотков, уставилась на хрустальный бокал, водя пальчиком по его краям.

Семён дотронулся до руки задумавшейся подруги:

— Ириш, я ведь и сам всё знаю, что там у тебя случилось. — Она удивлённо посмотрела на Семёна, который сбросил шутовскую «маску». Тон друга стал внезапно серьёзно печальным. — Я отслеживал судьбу всех однокурсников —

благо теперь есть всемирная паутина. Знаю, что ты была замужем и зам редактора. А некоторое время назад Расколова, помнишь, выскочка была, на курс нас старше, написала, что одна дуручка наехала на депутата одного подмосковного городка, обвинив его в коррупции, да ещё где-то документы раздобыла. Сказать — кто эта дуручка неразумная?

— Не надо.

— Ну, не от большого же ума ты это сделала? Надоело в уютном кабинете сидеть и нехилые деньги получать? Ира, ты что, наивная девочка? Коррупция — закон жизни! Вот я — гноблю потихоньку этих уродов, под маской эстетствующего шута, а они меня снисходительно по плечу треплют, мол, что с клоуна возьмёшь. Зато народ — он всё понимает, что я хотел сказать. А ты — сразу в лоб!

Ильмера, зажав губу, отвернулась к окну, за которым с почти беззвучным шелестом шёл дождь. Затем повернулась и, глядя в глаза другу медленно, с металлическими нотками в голосе произнесла:

— Знаешь, я такого насмотрелась за прошлые годы, что тошно стало от беззакония и цинизма. Вот и решила, что хоть одну гниду выведу на чистую воду.

— Ну и что, вывела?

— Теперь понимаю — не так надо было, а сразу в прокуратуру...

Семён с досады стукнул по столу:

— Как хорошо, что эта «светлая» мысль тогда не пришла тебе в голову! Иначе бы сейчас не здесь со мной сидела, да кофеёк с пирожным уминала, а за решёткой. По статье — за клевету. И это в лучшем случае, если бы жива осталась... — помолчали. — Ир, ведь ты так хорошо начинала — одна

из немногих после журфака зацепилась в московском издательстве. И — на тебе...

Ильмера насупилась:

— Ты кто такой мне, чтобы нотации читать?! Клоун фельетонист. Иди ты знаешь, куда! Я думала, что ты мой друг... — Она вскочила.

— Стоп! Беру все свои слова обратно. И хватит психовать. С нуля, значит, всё решила начать?

Девушка кивнула.

— Ой ты, горе моё луковое. Ладно, поехали ко мне. А там что-нибудь придумаем.

— Да я в гостинице уже остановилась.

— Обидеть меня хочешь? Возражения не принимаются! Ко мне, значит ко мне!

Глава вторая. Харлей- Харитон

Прошёл год после позорного бегства из столицы, где на Ильмеру всё же завели дело, но, не найдя доказательств состава преступления, дело закрыли, и неприятная история начала забываться как страшный сон.

Семён, как и обещал, помог устроиться подруге в местную областную газету, где ей выделили собственный кабинет и служебную квартиру на окраине города — не у каждого же сотрудника имеется на руках красный диплом журфака МГУ и опыт работы в столичном издательстве.

Как только Ильмера обжилась в отреставрированной двухкомнатной «хрущёвке», появился Семён, приведя за собой на поводке массивного лабрадора светло-бежевого окраса.

— Ира, вот, держи, владей — это новый друг Харлей.

— Ты с ума сошёл! Что я с этим мотоциклом буду делать? Его же кормить надо, выгуливать!

— Ириш. Не спорь. Хозяева собаки уехали в Сирию — делать военные репортажи, а мне его из Питера прислали — присматривать. Но я парень ненадёжный, дома часто не бываю. Да и девушки ко мне иногда нахаживают — не все собак любят. А ты одинокая...

— Ну, ты наглец, — не зло покачала головой Ильмера. — Ладно, давай свою псину, — и, посмотрев в растерянные глаза лабрадора, произнесла. — Теперь ты будешь жить у меня, пока твои хозяева не вернуться, — глаза собаки наполнились слезами и её морда ткнулась в правое плечо девушки, — только что у тебя за дурацкое имя — Харлей? Нарекаю тебя Харитоном.

Собака моргнула и завиляла хвостом.

Больше Ильмера не чувствовала себя одинокой. Работа, забота об умной псине занимали теперь всё её свободное время. Так уж получилось, что семьи у Ильмеры давно не было. Ну, не сложилось. Сначала учёба, затем работа, в которую она окунулась с головой, неудачное замужество, которое погубили бесконечные командировки и успешный подъём по карьерной лестнице...

Казалось, столичный круговорот безумно важных дел будет вечным, как восхождение на бесконечную гору. В конце концов, она обрела стойкую уверенность, что со своим авторитетом и значимостью в журналистских кругах, где слыла разоблачительницей неприглядностей окружающей действительности, она вполне уже может критиковать власть предержащих. Но оказалось, что табу распространяется и на неё...

И всё же, Ильмера вспоминала прошлое без ностальгии. Теперь, по прошествии времени, она даже благодарила судьбу за тот неразумный порыв — написать обличительную статью, ведь именно из-за опасного просчёта она выпала из бурного потока действий в замкнутом кругу.

Здесь, в N-ске, она не только начала новую жизнь, обзавелась другом и добродушным лабрадором, а так же скучной работой корректора, где она чётко выполняла свои обязанности от и до, без самодеятельности, что позволило ей отключиться от чужих проблем и сосредоточиться на главном.

Когда-то давно Ильмера начала писать роман о путешественнике по таинственным заброшенным городам древней

Индии. Но были написаны только несколько глав — сказывался столичный цейтнот. Теперь же у новоявленной писательницы было вполне достаточно времени, чтобы продолжить работу над романом.

В свободное время девушка начала ходить в спортивную секцию по стрельбе из лука. Это было давнее увлечение Ильмеры. Что-то ощущалось первобытное, от пращуров — умение выпускать стрелы точно в цель. Она даже когда-то была мастером спорта. Но любовь к журналистике победила в ней амазонку. Или только отступила на время? В своей новой жизни девушка два раза в неделю упражнялась на полигоне, показывая великолепные результаты, под одобрительное погавкивание Харлея-Харитона.

Словом, только теперь Ильмера почувствовала, что начала жить. Не существовать в предлагаемых обстоятельствах, а именно жить.

Семён всё так же работал в областной газете. Ну, как работал — раз в неделю приносил флешку с сатирическими стихами в редакцию и со словами — «А теперь смейтесь и плачьте», — удалялся. И два раза в месяц лично заявлялся — за гонораром.

Иногда Ильмера приходила в гости к другу, спасая Семёна от участвовавших запоев, и оставляла ему Харитона, у которого неожиданно выявился дар — пёс безошибочно находил любое крепкое спиртное, хватал зубами, каким-то чудом открывал балконную дверь и сбрасывал бутылки вниз, на железный заборчик, предусмотрительно убедившись, что внизу никого нет. Подобные поступки лабрадора сначала

приводили Семёна в ярость. Но, отвесив подзатыльник псу, наткнувшись на его укоризненный взгляд, Семён садился рядом и, обхватив шею Харлея-Харитона, цитировал ему свои лирические стихи, которые никогда и никому не показывал:

— Милая, не печалься,
Не задавай вопросы!
В жизни порой не просто
Двигаться в ритме вальса.

Знаешь, как это страшно
Быть увлечённой вихрем,
Жертвовать в танце лихого,
Будущим и вчерашним...

И зацепив ботинок,
Можно споткнуться всюду.
Лишь тот, кто не рискует —
Не совершит ошибок...

Пёс заглядывал в глаза неудавшегося поэта и слизывал его тёплые слёзы со щёки...

После работы Ильмера забирала Харлея-Харитона. Окрылённый своим гением, Семён картинно прощался с собакой:

— Чтож, Харитон Подзатыльников — иди, иди, возвращайся в свою скучную жизнь. Но в следующий раз я расскажу тебе такое...

Ильмера оживлялась:

— Какое такое? Я тоже хочу услышать!

— Нет, Ирочка, только Харитон Подзатыльников поймёт — о чём плачет душа поэта! Только он, эта чистая душа, не замутнённая вселенским сором зла и равнодушия!

— Ну, ну, куда уж мне, — девушка смеялась, принимая участие в комедии друга.

Парадоксально, но Ильмера заметила, что после общения с лабрадором, Семён стал меньше пить и постепенно перешёл на лёгкие баночные вина. Хотя, она подозревала, что чудо произошло только потому, что банки не бьются, а только слегка плющатся, упав с небольшой высоты второго этажа. Мало того, к Семёну вернулось вдохновение, и он ежедневно одаривал подругу и лабрадора новой порцией весьма неплохих стихов.

Как-то, проснувшись в ворохе незнакомых роскошных чёрных шёлков, Ильмера с трудом вспомнила, как накануне праздновала своё сорокалетие. Так, значит дружба закончилась постелью, банально-то как. Она повернула голову в сторону витражного окна, в проёме которого стояли две фигуры. Увидев, что Ильмера проснулась, Харитон деликатно гавкнул, а Семён, протягивая подруге изящную чашку из белого фарфора с золотой каёмочкой, наполненную чёрным кофе, произнёс скорее псу, чем Ильмере:

— Это ничего не значит. И мы не вместе. Она вчера так рыдала, проклиная своё одиночество, что я как друг, просто обязан был помочь. Логично?

— Гав, — ответил пёс, переминаясь с лапы на лапу.

— Я тоже так считаю. И смею вас уверить, Харитон Подзатыльников, что подобное больше не повторится.

Пёс глубоко вздохнул, подошёл к постели и положил свою умную морду на прикрытые шёлком колени Ильмеры.

Да. Он всё понимал. Лабрадор прекрасно знал, что такое одиночество.

Глава третья.

Больница

Время шло. После неожиданного финала празднования дня рождения Ильмеры, Семён перестал выпивать и спать со студентками. Мало того, популярность Семёна неожиданно поползла в гору, и его пригласили на телевидение вести пятничную юмористическую программу «Смеховстреча», где он весьма элегантно обсмеивал знаменитых приглашённых гостей, да так, что те сами смеялись над собой. Уже раздавались звонки из московского телевидения, с приглашениями вести подобную передачу в столице. Семён отшучивался и тянул время. Попутно вышел из печати сборник лирики Семёна Туманова «Силуэт в тумане», который тут же стал бестселлером, и Семёна начали настойчиво приглашать в Союз писателей.

На фоне оглушительного успеха студенческого друга, у Ильмеры в жизни всё было по-прежнему. Разве что иногда, поддавшись тоске, она приходила к Семёну, который как настоящий друг утешал её. И дело как-то неожиданно всегда заканчивалось постелью с нежнейшими чёрными шелками — и где он их только покупал? — Ильмера всё забывала спросить...

Близилось лето, и они с Семёном планировали совместить отпуска, чтобы съездить отдохнуть на юг. Куда — ещё не решили. Но в районе февраля Ильмера почувствовала, что с ней что-то не так. Надеясь, что это беременность, девушка понеслась в поликлинику. Но посещение врача повергло её в шок. Быстро прогрессирующая миома стремительно заполняла её тело.

Конечно же, Ильмера ринулась сдавать всякие анализы, пробы и Бог знает ещё что. Семён устроил её в платный диа-

гностический онкологический центр. Но даже за короткий срок опухоль увеличилась до такой степени, что журналистку принимали за беременную, и не мудрено — опухоль внутри, разрастаясь, шевелилась, словно живое существо из фильма ужасов.

Перед операцией к ней зашёл угрюмый Семён в голубых бахилах и смешном бумажном халате, словно сделанном из промокашки. Только что анестезиолог поведал ему, что у Ильмеры редкая непереносимость анестезии, и что могут начаться проблемы — как во время операции, так и после. Разумеется, от подруги решено было держать подобную новость в тайне. Сев рядом с кроватью, Семён взял в ладони ледяную руку девушки:

— А я так надеялся, что это будет наш с тобой ребёнок.

Ильмера заплакала. Теперь она плакала всегда. Что за жизнь корявая ей досталась? Так хорошо начиналось — и юность и карьера, даже это изгнание, где она обрела счастье. Неужели всё закончится здесь, в этой больнице — её жизнь, в которой она только-только начинала понимать, что такое — любить...

— Оперировать тебя будет сама заведующая, ассистировать — профессор из Москвы...

Помолчали, разглядывая капельницу — кап, кап, кап... драгоценное время утекало в вены вечности...

Перестав плакать, Ильмера улыбнулась и, вытерев слёзы, погладила волнистые русые волосы друга:

— А ведь ты мне в институте абсолютно не нравился. Таким фанфароном всегда выглядел, самовлюблённым гением. Эти твои шарфики шёлковые — задушить была готова — хорошо, что теперь не носишь. А однокурсницы все от тебя

с ума сходили...

— Ты мне тоже не нравилась — зубрила... — улыбнулся Семён. — Вся правильная такая. Я тебя даже за девушку не воспринимал — прямо ходячий свод правил. Но знаешь, чем дальше, тем больше о тебе думал. Наверное, девушка такой и должна быть — самодостаточной и целеустремлённой.

— Ну и куда меня эта самодостаточность привела? Видишь... — задёргалась губа, глаза заполнились влагой.

— Подожди. Я должен сказать... перед этим... — он говорил медленно, словно подбирая нужные слова. — На выпускном, помнишь, пресловутую историю, когда я всех звал на Гоа — ну, дебил был — ты подошла ко мне и сказала: «Я поеду с тобой на Гоа — там притесняют индусов. Может, революцию замутим?» И всё, понял, что только о тебе и думаю. После института я всегда всё про тебя знал — как ты жила все эти годы, чем дышала. Мужа твоего видел — как ты вообще могла полюбить подобного сноба?.. Не удивился, что вы развелись... Так тогда обрадовался, что сразу рванул в Москву...

— А почему же мы не встретились?

— Свободу, дурак, потерять испугался... Я потом часто прилетал, заходил в твоё издательство, смотрел через стекло, как ты работаешь за компом — смешная такая... революционерка с хвостиком... Потом ругал себя на чём свет... Идиот, думал — и зачем я тебе нужен? А когда ты написала ту статью — знала бы, сколько подключил знакомых, чтобы замаяли дело. Теперь ты представляешь, как я был ошарашен, когда ты позвонила. Ты. Позвонила. Именно. Мне. Не кому-то с курса, а именно мне...

— А кому ещё, Сём? Каждый раз в редакции, я пошевелиться не могла, когда краем глаза видела — как ты на меня

смотришь... Детский сад... Дураки мы с тобой. И теперь — почти два года ломали комедию. Если бы не операция, так, наверное бы и состарились...

Поцелуй был долгим... долгим, и шум крови в висках стучал в унисон с каплями капельницы — тук, кап, тук, кап, тук...

Глава
"ЧЕТВЕРТАЯ.
Наркоз

Небывало сильный, порывистый, почти ураганный ветер со свистом просачивался сквозь пластиковые окна в палату. Там, по другую сторону стекла, началось настоящее свето-представление. Только наступивший рассвет резко сменился глубокими сумерками. В тёмных, низко опустившихся густых облаках, угрожающе затянувших небо, постоянно полыхали молнии, но дождя всё не было. Кроны деревьев перед окнами нещадно трепало во все стороны, то и дело слышался треск, и мимо окон временами пролетали оторванные ветви...

Ильмера натянула на ноги нелепые белые эластичные операционные чулки и сидела на кровати в ожидании операции. Семёна попросила не приходить — ей невыносимо было видеть отчаяние любимого человека.

— Карелина! На выход!

Ильмера вздрогнула — ну вот, за ней и пришли. За дверями палаты стояли две одутловатые хамоватые санитарки, тут же засунувшие в халаты тысячные купюры, протянутые Ильмерой, а так же высокая каталка, которая доставила девушку на верхний этаж девятиэтажного диагностического центра. Длинный тёмно-зелёный коридор и множество дверей, за которыми одновременно проходило несколько десятков операций. Ильмере стало немного жутко — это сколько каждый день, каждый час операций по извлечению опухолей?! Там, за стенами больницы, она даже представить себе не могла подобных ужасающе-грандиозных масштабов болезни... А может быть в стране эпидемия, но о ней молчат?.. «Надо репортаж написать — рак наступает», — подал робкий голос в смятённом мозгу журналист.

Из дверей то и дело выскальзывал персонал и, с почти беззвучным шуршанием прошмыгнув мимо, исчезал — то в проёмах дверей, то в темноте коридора. Было ощущение, что люди просто растворялись в воздухе.

Ильмера смотрела в потолок, думая о разном — и о том, что этот этаж гораздо выше остальных, хотя с улицы все этажи одинаковые, и что ремонт здесь не делали, пожалуй, со сталинских времён, а может и с дореволюционных, и о прошлом... Вся её жизнь проносилась мимо — воспоминания обрывками вспыхивали и гасли, и отчего-то все они были безрадостными, словно ничего хорошего в её жизни и не было — все самые неудачные моменты жизни, словно с укоризной указывали ей — не успела, не сказала, не помогла, не смолчала, не... не... не...

Казалось, Ильмера лежала вечность в мрачном коридоре. Но вот ближайшие двери открылись, и каталка въехала в операционную, затем крепкие руки санитарок, словно неживой груз, переложили её на железные пластины операционного стола, которые резко пронзили голое тело ледяным холодом. И даже простынёй не накрыли...

Ильмера ощутила, что она перестала быть человеком, которым была ещё секунду назад, там, за дверями.

Значит она — мясо, лежащее на разделочной доске...

Юркая, безликая медсестра крошечного роста сделала первый укол. Теперь мозг журналистки, попавшей в совершенно иной мир, с беспристрастностью исследователя констатировал каждую деталь происходящего. Он с изумлением отмечал, что стены и потолок зала... раздвинулись. Потолок

стал высоченным прозрачным куполом, сквозь который было видно глубоко черное звёздное небо... но ведь сейчас день! Стены с громадными витражными окнами резко исказились, и теперь вместо гладкой поверхности они представляли собой грубо обработанные наросты — можно было подумать, что стены просто обляпали кусками глины, а затем покрасили зелёной краской.

Зашёл анестезиолог, сел в изголовье операционного стола, зажал голову Ильмеры металлическими зажимами. Кто-то в это время пристегнул к столу её ноги, и, раскинув руки в стороны — на запястьях застегнули металлические же наручники.

«Распяли меня как на кресте... Почему так жестоко-то? Словно я заключённая в каземате».

Развернулась от соседнего столика с несколькими шприцами и медицинскими приборами медсестра — громадная, как гренадёр, сжала руку у локтя и одним выверенным движением с хрустом вогнала толстую иглу в запястье, выше наручников. Пошла по вене ледяная жидкость...

— Карелина, вы меня слышите? — равнодушный голос анестезиолога начал звучать словно издалека.

— Да, слышу.

— Посчитайте до восьми.

— Один, два, три... — язык онемел, прилип к нёбу, тело стало невесомым... и было ли оно вообще... Но Ильмера почему-то ещё слышала и видела всё, что происходит вокруг. Отчего-то воздух наполнился светом... как же ярко включили свет!

— Что это?! — вскочила с необыкновенной прытью громадная медсестра, — почему это животное светится?

Анестезиолог усмехнулся.

— Успокойтесь немедленно! Странно — вас разве не предупредили, что сегодняшний пациент — Сияющее?

— Предупредили... но я думала, что просто пошутили...

— Серьёзнее надо относиться к своим обязанностям и внимательнее читать задания...

— Простите, виновата. Я тут с чертовской текучкой себя не помню.

— Пошла вон, идиотка, — зло зашипел анестезиолог.

И тут Ильмера поняла, что она слышала не человеческий голос, а именно шипение, словно только что общались две змеи. Но она явно понимала речь, которая отчётливо звучала в мозгу...

Неожиданно окружающая действительность исказилась окончательно — словно с глаз спала пелена и проступила совершенно иная реальность.

Зал стал ещё огромнее, вместо привычной операционной лампы над ней висел ноздреватый полуржавый прожектор. А анестезиолог... над Ильмерой склонилось безобразное существо с кожей грязно-зелёного цвета, напоминающее рептилию, скрещенную с лемуrom. Он, не мигая, смотрел на Ильмеру огромными жёлтыми змеиными глазами размером с куриное яйцо, но она не чувствовала страха — наоборот, Ильмера поняла, что он сам боится её — даже в беспомощном состоянии она была преисполнена решимости победить всех и вся... правда, ещё не знала — как.

— Существо, ты меня видишь и слышишь. Забавно. Никогда ещё я не видел Сияющих.

Краем глаз Ильмера увидела, как со щебетом-шипением

в зал вбежали две девушки-рептилии — меньше, чем полтора метра ростом. Они замерли, глядя на сияние, которое исходило от тела девушки, распятой на операционном столе.

— Ух ты! — прошипели обе, попутно с глубоким поклоном распахивая обе створки массивных чёрных металлических дверей, которые ещё минуту назад виделись Ильмере обычным белым пластиком.

В зал буквально вплыла огромная туша рептилии под два метра ростом, маленькая плоская голова, крошечные глазки, необъятное тело почти полностью упаковано в серые пластины наподобие огромной чешуи, похожие на броню. На шее рептилии висел медальон, который Ильмере показался до боли знакомым. За бронированной рептилией семенили высокие тощие создания, напоминающие анестезиолога. «Скорее всего — это разные виды рептилий», — мелькнула мысль, пока Ильмера рассматривала жуткую процессию.

— Новая Императрица изволила посмотреть на Сияющее существо, — пояснила анестезиологу одна из карликовых рептилий.

Анестезиолог, или кто он был на самом деле, почтительно склонился перед громадной Императрицей, которая с высокомерием, смешанным с любопытством, подошла к операционному столу. Раскрыв зубастую пасть, рептилия прошипела:

— А что, Сияющие воплощаются в животных? Какой сюрприз. Что же это существо могло натворить, раз его заперли в животном низшей формы? Почему оно не испекло плоть твари? Да и как оно вообще просочилось на мою ферму? — Императрица грозно обернулась к свите, которая настолько низко склонила свои и без того кривые спины, что казалось — ещё немного и лягут плашмя на каменный пол.

— Простите, Верховная, но Сияющего внедрили ещё при прошлой Императрице, — подал робкий голос один из рептилоидов.

— Разберёмся, — снова уставилась на Ильмеру, которая отчётливо видела все подробности внешности рептилии. — Первый раз созерцаю поверженного врага — вот так, беспомощного, в отвратительно уродливом теле примата. Большого наслаждения я не испытывала — это всё равно, что выиграть в битве.

— Удовольствие ваше будет более полным, когда на вечернем пиру вам подадут деликатес из Сияющего, — не каждой Императрице выпадает подобная возможность, — с подобострастием прошипел ближайший рептилоид. Карлицы радостно закивали.

Императрица продолжала, словно и не слышала реплики, немигая глядя на свет, исходивший от тела девушки:

— Какое завораживающее сияние... глаз не оторвать...

— Осторожнее, Императрица, их сияние способно разрушить вашу оболочку! И тогда ваша сущность раньше положенного срока удалится на пастбища Окхады...

— ...как же хочется убить это существо — так же, как его соплеменники уничтожили мою колонию на Дагофе, ворую животных моей фермы, называя это освобождением... нет, тогда Сияющее вырвется на волю, а этого нельзя допустить... оно должно жить в плену... а я буду медленно пожирать священный деликатес...

— Ваше императорское величество, мудрость ваша всегда восхищает... Позвольте сказать, что есть вторая половина существа из галактики Сияющих.

Императрица метнула грозный взгляд в сторону говорящего в свите:

— Что?! И вы о ней молчали?

— Это самец, ваше императорское величество, правда, продукция из него менее ценна. Предыдущая императрица уже вкушала деликатес... Но вам достанется самое изысканное лакомство...

— А за самцом установлено наблюдение, Ваше императорское величество, — свита подобострастно закивала.

— И где он?

— Обе половины Сияющего с недавнего времени всегда рядом.

Взгляд главенствующей Рептилии смягчился, и она в задумчивости прошипела:

— Так значит, это существо разделили. Ну, теперь всё понятно. Ах, хитрецы. Знать бы, что они задумали... Жаль, что нельзя посадить эту тварь в кварцевый конус и поставить в центре ритуального зала.

— Это так, — подал робкий голос анестезиолог, — длительное воздействие анестезии погубит тело и Сияющее вырвется на волю.

— Что ж, буду любоваться записями извлечения деликатеса, который отведаю за ужином. Жаль, что он не будет светиться. Но я читала в летописях, что он необыкновенно вкусен и существенно продлевает срок жизни. Надеюсь, не забудете посадить в это существо новую клетку деликатеса для прорастания?

— Ваше императорское величество — мы профессионалы, лучшие в этой вселенной — ферма Мидгарда всегда приносит огромный урожай, во имя вашего процветания.

Свита, подобострастно кланяясь и шипя, удалилась вслед за уплывающей тушей Императрицы монстров.

Над Ильмерой склонилось несколько рептилий, проделывая какие-то манипуляции с её телом, перестав обращать на взгляд сияющей девушки, шипением комментируя извлечение опухоли. Ильмеру замутило, она закрыла глаза и погрузилась в глубокий сон.

Когда она проснулась — была ночь. Вой ветра всё также крушил мир за окнами и сотрясал рамы, и в какой-то миг Ильмера даже подумала, что ей всё показалось — и не было никакой операции вовсе, а уж тем более чудовищной метаморфозы помещений, рептилоидов и... свечения собственного тела — приснится же такой бред...

Девушка открыла глаза. Она лежала в обычной больничной палате, мерно гудел кондиционер, где-то кашляли, а на окне сидела карлица-рептилия в белом халате и смотрела на Ильмеру, сквозь свечение... её руки, которая лежала на груди...

Ильмера в ужасе зажмурилась, досчитала на всякий случай до десяти и открыла глаза.

Вместо карлицы, наклонившись над кроватью Ильмеры, стояла медсестра Вера, впрыскивая в катетер, вставленный в вену на запястье, жидкость из шприца:

— Очнулись? Вы очень странная под наркозом, — развернулась и вышла из палаты, аккуратно прикрыв двери.

И тут в тело девушки ворвалась адская боль... Нет, операция была, а так же всё, всё, всё... или это наркоз...

Наутро в палату пришёл Семён и присел на краешек кро-

вати, с тревогой вглядываясь в полубезумные глаза любимой. Ильмера взяла его за руку и полушёпотом затараторила:

— Сём, мне тебе рассказать надо... ты не думай, что я сумасшедшая, я вполне адекватная... Вчера, во время операции я видела такое!.. — И она поведала префантастическую историю.

Семён спокойно выслушал и произнёс:

— Я хотел тебе рассказать раньше, но ты бы не поверила. А так — ты сама теперь всё знаешь.

— Что я знаю? Я какая-то Сияющая?! Вернее — меня называли в среднем роде — Сияющее. Словно я и не человек вовсе. И звучит прямо, как «прокажённая». А эти галлюцинации про рептилий, и искажение пространства — они такие реальные! Я вчера видела... представляешь — Вера, анестезиолог Илья Сергеевич, весь медперсонал — чудовища просто!

— Тихо ты, развопилась! Молчи, если не хочешь провести всю свою долгую, необыкновенную жизнь в психушке. Да, мы с тобой Сияющее.

— И ты?.. — Ильмера хватала воздух, не находя слов, — точно... они же говорили про второго, про самца, мужчину то есть. Так это ты?!

Мужчина вздохнул:

— Я узнал о том, что Сияющее — в восемь лет, когда мне делали операцию — вырезали аппендицит. Это тоже любимая еда рептилоидов. Они специально, ещё при рождении вживляют в приматов, в нас, то есть, клетки аппендикита, различных раковых опухолей, чтобы впоследствии гарантированно поставлять на свои планеты яства с Земли. Так вот, сделали мне анестезию — мало того, что не уснул — я весь

засветился, да ещё спала пелена воздействия на мозг излучения, которым они опутали всю планету, чтобы люди не видели реальный облик пришельцев, поработивших Землю... В тот раз посмотреть на меня сбежался весь мед персонал... представляешь, восьмилетнему мальчишке увидеть сразу столько монстров!

— Бедный... Значит, они знают, что ты знаешь.

Семён кивнул.

— А почему они не убили тебя?

— Во-первых — я как курица, несущая золотые яйца. Мне делали уже несколько операций по извлечению разных опухолей... уроды... И потом — кто мне поверит? Да и тебе тоже.

— Подожди, если у тебя было несколько операций, то где шрамы? Нет же ни одного!

— А вот об этом я тебе позже расскажу, — прошептал Семён, видя, как в палату вошла медсестра, чтобы сделать Ильмере перевязку.

Глава пятая.

Сияющее

Прошло три месяца. Ильмера окрепла, и вспоминала произошедшее, как страшный сон. Ни она, ни Семён не заговаривали об открывшейся чудовищной правде, больше похожей на абсурд.

Он — понимал, что должно пройти время, прежде чем любимая полностью осознает, что она — Сияющее. А сама Ильмера первое время после операции находилась на тонкой грани безумия, пытаясь по крупицам собрать и воссоздать прежний понятный мир, который рухнул в одночасье.

Не сорваться в пропасть безумия помогал Харлей-Харитон — добродушный лабрадор ни на секунду не отходил от Ильмеры, пытаясь расшевелить превратившуюся в сомнамбулу девушку, заставляя её выходить на улицу, чтобы выгулять его.

Послеоперационный шов зажил с пугающей быстротой, и от него не осталось даже следа, что привело Ильмеру в ещё большую панику. Она ощущала себя чудовищем, и всех вокруг начинала воспринимать как чудовищ, внимательно вглядываясь в черты прохожих, ожидая увидеть проступающие приметы рептилоидов.

— Ириш, собираемся, едем на Чёрное море, — Семён втащил в квартиру внушительного вида чемодан на колёсиках и, войдя в спальню, положил его на кровать.

Ильмера удивлённо заморгала:

— А куда мы Харитона денем? Не поедет же он с нами!

— О псине я уже договорился со знакомым, — Семён

начал вытаскивать из шкафа вещи свои и Ильмеры.

— Постой, но — какое Чёрное море? Уже прохладно и купальный сезон закончился, а я, как ты знаешь, моржеванием не увлекаюсь, да и ты, насколько я помню — тоже.

— Ир, ну не тупи, — он многозначительно посмотрел на любимую, — достопримечательности Северного Кавказа ещё никто не отменял. Съездим, развеемся. Ну?

Девушка пожала плечами и принялась помогать собирать чемодан.

К удивлению Ильмеры, долгий путь к Чёрному морю преврался в предгорьях Лаго-Наки. Устроившись в симпатичном номере небольшой уютной турбазы «Лагонаки», и оставив вещи, влюблённые надели пуховики, захватили с собой по рюкзаку со всем необходимым и отправились в Пещеры, изучая купленную карту.

Купив билеты в кассе и, отказавшись от гида, влюблённые в приподнятом настроении вошли по указателям в ущелье горы.

Туристов практически не было — вдалеке виднелась небольшая группа, которую сопровождал экскурсовод, зябко кутаясь в красную куртку и пытаясь на ломанном немецком общаться с иностранными туристами.

Приглядевшись к экскурсоводу, Ильмера почувствовала, как холодный озноб пробежал по телу — перед ней стоял брат близнец анестезиолога из онкологического центра. Давно она не видела рептилоидо подобных. А ведь девушка хорошо запомнила всех чудовищ из реального кошмара.

Странно, но до сих пор, в обычной жизни, она не видела рептилоидов в человеческом облики.

Поймав застывший взгляд девушки, Семён, сжав зубы, произнёс:

— Да, я его тоже заметил. Пасут сволочи. Ну, ничего, глубоко в пещеры они не суются — почему-то боятся — я проверю.

Спустившись в пещеры, Ильмера сразу ощутила, что страдает клаустрофобией. Отдышавшись и выпив несколько глотков горячего чая из своего термоса, она немного успокоилась и огляделась, немного опешив. Такой красоты подземного мира она ещё не видела. Семён с видимым удовольствием смотрел на произведённый эффект — изумление, а затем восторг любимой.

— Роскошно, правда? Ну, теперь не жалеешь, что поехала?

— Да... как красиво...

— И это всё, что может сказать журналистка, можно сказать — писатель! — шутливо хохотнул Семён.

Но Ильмера уже не слушала его — она, взглядом, полным восхищения, смотрела на палитру красок, причудливые формы подземных естественных скульптур. Сталактиты и сталагмиты, словно созданные неведомыми иномирными скульпторами, тянулись по бесконечным громадным пещерам, освещённым прожекторами.

Так они вдвоём и бродили по подземельям, предназначенным для просмотра туристами — любясь потрясающей необычностью пород, скрытой под толщей гор.

Постепенно, то тут, то там мелькающая группа туристов,

во главе с рептилоидом, отстала от влюблённых и Семён, заговорщицки подмигнув Ильмере, свернул в сторону от маршрута, за табличку «проход запрещён».

Они углубились в дальние пещеры поменьше, где уже не было туристических указателей, а за очередным поворотом исчез и свет дальних прожекторов. Путники включили фонари, лучи которых утонули в темноте очередной огромной пещеры.

Ильмере стало не по себе, и она поёжилась:

— Сём, мы не заблудимся? — приступ клаустрофобии снова начал потихоньку напоминать о себе.

— Пожалуй, можно дальше и не идти, — согласился Семён и та-ак посмотрел на Ильмеру, что у неё пробежали по телу мурашки. — Присядем, чайку попьем. А вот и мой термосок. Чай я приготовил просто замечательный, по-новому рецептику. Тебе понравится, уж смею вас заверить, Ильмера Богдановна. Так сказать, устроим пикничок на глубине, кто ж его знает, сколько сотен метров между нами и поверхностью — потом в буклете почитаем.

Шутливый тон немного успокоил девушку. Они поставили фонари на возвышении, расстелили на белом камне, похожем на оникс, лёгкое серебристое изотермическое покрывало и сев друг против друга, накинув на колени такие же покрывала, потягивали чай с необычным привкусом.

Неожиданно Ильмера увидела, как сквозь кожу Семёна начало пробиваться свечение, и через секунду он уже весь сиял белым светом, который не сдерживала даже одежда.

Ильмера в панике прошептала:

— Ну вот, опять начинается... Что это? Что мы пили?

Семён весело усмехнулся:

— Прикольно, правда? Это упрощённая химическая формула, параллельная хирургической анестезии. Мне Исаенко объяснял, да я не стал запоминать. Он сам на мне в своей лаборатории экспериментировал — видела бы ты его реакцию — хотел немедленно научный труд писать... еле отговорил друга.

— Посмотри, пещера так освещена, словно прожекторы включили. Забавно даже.

— Ир, — Семён погасил фонарики и дотронулся до сияющей руки любимой. — Теперь можно... Хочешь, поговорим на эту тему?..

— Спрашиваешь! — воскликнула девушка, разглядывая свои руки.

— В общем, после операции, ну, тогда, в детстве, я стал много читать. Очень много — хотел понять — что со мной не так и отчего я сияю. Когда подрос — пошёл по экстрасенсам. Одна из них, по счастью, оказалась не шарлатанкой, а реально ясновидящей. Она и рассказала мне, что я часть Сияющего, с планеты плеяды Нагоа одной из галактик Великой стены «Геркулес — Северная Корона» — огромной плоской супер структуры тьмы галактик, — которая находится в десяти миллиардах световых лет от Земли.

— ???

— Это цивилизация высокоразвитых существ, сохраняющих равновесие миров между добром и злом, светом и тьмой. У них нет тел в нашем понимании этого слова. Сияющие — световая энергетическая субстанция с совершенной сущностью — душой, прошедшей все ступени духовного развития. Одухотворённые абсолютно...

— Да уж, из тебя одухотворённость так и прёт, — хихикнула Ильмера, — почему же у тебя, высшего существа, был

целый букет пороков — пьянство, разврат?

— Я не обижаюсь, — сквозь сияние улыбнулся Семён, — просто у Вселенной свои законы и представления о совершенстве.

— Похоже, весьма и весьма оригинальные представления.

— Не будем судить Вселенную.

— Ну, хорошо. Шутки в сторону. Даже если всё, так как ты рассказал, даже если я тебе поверила — гипотетически, конечно, объясни мне хотя бы — почему и каким образом нас так далеко занесло? И почему мы с тобой ничего не помним о себе и своём мире?

— Ясновидящая подробно рассказала, что мы с тобой что-то наподобие эмиссара. Мы — единое Сияющее. Мы с тобой одно целое, вот такая штука. Одна душа! Понимаешь?

— Н-не-ет, — протянула с ноткой упрямства Ильмера, — вот этого я абсолютно понять не могу. Я есть я — единственная в своём роде и неповторимая.

— Я тоже раньше так думал. Как мне объяснили — сущность Сияющего слишком мощна для энергетической и телесной оболочки человека Мидгарда, и поэтому она воплотилась в двух разнополюх существах. И похоже, как у всех воплощённых на земле, у нас заблокировалась память.

— Бред какой.

— А я не удивился, когда узнал. У буддистов бытует легенда, что Ламы, приходящие на землю из неведомых миров, могут попасть повторно на землю только в телах сразу трёх — четырёх младенцев.

— Невероятно, — качала головой Ильмера. — Постой! А ведь я что-то припоминаю. Помнишь, когда мне делали операцию, Императрица рептилий говорила что-то о разделении Сияющего... Значит мы единое целое и мы эмиссары... Ну, да,

всё так просто, прямо таки элементарно.

— Не ёрничай, Ир. Ещё ясновидящая рассказала мне пре-интереснейшую историю. Раньше на этой планете процветала мощная цивилизация людей, обладающая знаниями вселенной, имеющая громадный космический флот, который, увы, не смог противостоять внешнему и очень коварному врагу другого вида гуманоидов. Немногим более десяти тысяч лет назад планету, тогда ещё называемую Мидгард, после жестоких войн захватила раса Мбусакров — рептилоидов, которые когда-то, десятки миллионов лет назад, бежали с Земли, спасаясь от атаки астероидов, и теперь были абсолютно уверены, что это их законная планета. Обнаружив занятую людьми Мидгард-Землю, пришельцы устроили глобальный катаклизм, столкнув с орбиты один из двух спутников нашей планеты и обрушив его в Великий океан. Полюса планеты сдвинулись, поверхность планеты изменила очертания, множество людей трёх рас погибли. Выжили только те, кто сумел улететь подальше от планеты, да те, кто спрятался в недрах гор. Наступил Великий Ледниковый период, растянувшийся на несколько тысяч лет, во время которого люди жили в подземельях Мидгарда. Когда они вышли из катакомб, на поверхности уже давно жил новый вид приматов — людей, искусственно насаждённых на планету — их называли «Серые». Они были андрогинами — людьми, чьё тело имело сразу два пола, и служили хорошими донорами внутренностей на грандиозной ферме деликатесов, устроенной Мбусакрами на нынешней Земле. Когда люди вышли из подземелий, Мбусакры опоясали озоновый слой звуко излучением, искажающим для приматов реальность так, что наши предки, как и мы, видели в рептилоидах и андрогинах обыкновенных людей. К сожалению или к счастью, оказалось, что настоящие

люди, в отличие от сухопарых андрогинов, для Мбусакров — настоящий деликатес. И захватчики начали скрещивать расы. Кроме использования внутренних органов, рептилоиды, как паразиты, выкачивают из людей жизненную энергию, подпитывая свои колонии. За последние тысячи лет человечество деградировало, сократилась продолжительность жизни с тысячи до семидесяти лет, а то и меньше.

— Знаешь, сказанное тобой звучит как несусветный бред шизофреника... Но, — Ильмера протянула вперёд светящиеся руки и положила ладони на колени Семёна, слившись в одно сияние, — я понимаю, что ты говоришь невероятную правду. Иначе как можно объяснить всё то, что с нами происходит. Ладно — пусть так — захват земли, рептилоиды, какие-то «Серые». А мы-то как здесь очутились? И что нам делать? В себе бы хоть разобраться!

Семён, помолчав, взглянул исподлобья на любимую:

— Помнишь, тогда — на выпускном, ты сказала, что поедешь со мной на Гоа?

— Хорошее было время, я всё время о нём вспоминаю, — улыбнулась сквозь сияние Ильмера.

— Ты произнесла абсолютно кодовое слово, слитно — Нагоа — с ударением на первый слог! Вот тогда я посмотрел на тебя совсем другими глазами. А ещё твоё имя. Оно и до того не давало мне покоя.

— Да уж, родители учудили, — задумчиво протянула девушка.

— Ты думаешь, они тебя случайно называли древнеславянским именем Ильмера, что означает — скрывающая свое сияние?

— Ну, я у мамы всё допытывалась — где она это, как я

думала, нерусское имя откопала, а она отвечала, что само по наитию пришло. Наитие наитием, а я со своим именем намучилась. Как только в школе меня не называли. Так что я, чтобы не коверкали имя, себя всегда называла Ира.

— Ириш... Меня ведь тоже не Семёном зовут. Родители назвали Светозаром, что значит — озаряющий светом. Но после первой операции я всем начал говорить, что меня Семён зовут, а не иначе. И когда паспорт получал — это имя записал.

— Ничего себе, ты не рассказывал! — изумилась Ильмера. — Так значит ты Светозар, — и тут её осенило. — Теперь я начинаю понимать — Сём, мы с тобой, по всей видимости... сияли при рождении! Поэтому родители и дали нам такие имена!

— Скорее всего. Неожиданно, в тот раз, ну, после выпускного, сразу всё встало на свои места — наши с тобой имена, наша встреча — пазлы сложились, и я понял, что ясновидящая права, сказав, что я не один на планете, что найду вторую половину своей души, которая в определённый момент скажет условленный пароль — название нашей родины.

— И ты так давно знал... — Ильмера пристально посмотрела на любимого, — и ничего не говорил.

— Сам долго не мог до конца поверить.

— Что нам теперь делать? Нашим телам осталось жить лет сорок ещё... А потом — домой? Но десять миллиардов световых лет... Что с нами будет?

Семён покачал головой:

— В том то и дело... Ириш, мы с тобой в западне. Сущность Сияющего может поддерживать тело примата в том тонусе, который определён земной природой, действуя на него очень благотворно. Посмотри на нас — нам за сорок, но мы молоды!

Тебе вообще больше двадцати шести не дашь.

— Спасибо, — улыбнулась Ильмера, — да и ты выглядишь не старше тридцати. А было бы здорово прожить тысячу лет.

— Мало того — наш организм быстро регенерируется и восстанавливается. Я проверял.

— Как?

— Однажды, совершенно случайно отхватил себе две фаланги большого пальца на правой руке. Так вот он через некоторое время вырос — и кости и вены, и кожа — всё, как положено. Как у ящерицы хвост.

— С ума сойти... Хотя, у меня тоже один раз был случай — порвалась мочка уха — случайно отстрелили во время соревнований стрельбы из лука. Так вот она отросла за несколько дней... точно...

— Да ты шов свой вспомни. Он же через две недели полностью исчез.

— Сём, получается, что мы с тобой практически инопланетяне?

— Не совсем. Ясновидящая объясняла мне, что все сущности приходят в земной мир из разных галактик, а некоторые вообще из иномирья, ну, из параллельных вселенных. Для сущностей не важно, сколь бесконечно расстояние — они перемещаются со скоростью мысли. В большинстве, конечно, попадают сюда из определённой галактики — это её бывший Райский сад, в котором совершенствовались сущности в человеческих телах, и который теперь окучивают рептилии... Звучит как-то знакомо...

— И главное — достоверно, — попробовала пошутить Ильмера.

Где-то в глубине пещеры гулко упала капля грунтовой

воды с гигантского сталактита. Влюблённые вздрогнули. Ира допила остывающий чай:

— Значит, мы здесь застряли надолго.

— Да. Мбусакры так просто нас не отпустят. С другой стороны — есть большая доля вероятности исполнить свою миссию.

— Я уже поняла, что мы с тобой на земле не случайно. В чём тогда наша миссия?

— Это же очевидно! Я, надеюсь, ты стрелять не разучилась?

— Ну, как-никак я мастер спорта по стрельбе из лука. Только как это может пригодиться?

— Мы должны избавить землю от паразитов!

— Всего-навсего? — ухмыльнулась девушка.

— Ну, ты же собиралась на Гоа, чтобы освободить несчастных индусов?

— Было дело. Но, ты же понимаешь — чисто гипотетически собиралась.

— Теперь нам предоставляется возможность совершить свою миссию в планетарном масштабе.

— Ты мой Че Гевара доморощенный, — Ильмера чмокнула любимого в щёку, а затем резко встала, сбросив с себя изо-термическое покрывало, и, уперев руки в бока, звонко произнесла — так, что в пещере эхом раскатилось, — а почему бы и нет? Мбусакры нас всё равно не тронут до новой порции деликатеса. С чего начнём?

Семён тоже поднялся:

— Ильмера, я тебе не говорил, но подготовка идёт полным ходом. Для начала выведем рептилоидов на чистую воду. Есть у меня несколько знакомых хакеров. Надо убрать звукоизлучение, которое искажает реальность, чтобы все люди увиде-

ли настоящую внешность захватчиков и скрещенных андрогинов — их всё равно можно сразу отличить от людей.

— Не знаю, что ты придумал, Сёма — Светозар, но я — с тобой! — Ильмера положила руки на плечи любимого и пристально посмотрела в его глаза. — Мы же единое Сияющее!

— Наведём шороху в гадюшнике!

— Интересно, вернётся ли к нам память?

— Не знаю. Поживём — увидим.

— А потом, может, поймём, как вернуться домой?

Оглавление

Глава первая. Давний друг	3
Глава вторая. Харлей-Харитон	11
Глава третья. Больница	19
Глава четвёртая. Наркоз	25
Глава пятая. Сияющее	37

Ольга Хомич-Журавлёва

Деликатес
фантастическая повесть